

„В РАЗМАХ БОЛЬШИХ РАБОТ...“

ОБЗОР ИСТОРИИ

«Комсомольца», от которой «пошла еда» «Советская молодежь», выходила недолго — с июня двадцать четвертого года по июнь двадцать пятого, всего год. Затем издание было прекращено — времена шли трудные, не хватало ни денег, ни бумаги.

Возрождение комсомольской газеты через пять лет — 3 сентября 1930 года вышел первый номер «Восточно-Сибирского комсомольца». Название произошло от названия Восточно-Сибирского края, недавно образованного, центр которого находился в Иркутске. Край был громадный, больше Европы, и простирался от Байкала до Северного Ледовитого океана: в него входили нынешние Иркутская и Читинская области, Красноярский край и еще Бурят-Монголия.

Край был немал, но и тираж «Восточно-Сибирского комсомольца» по тем временам тоже был немал — сначала 6000 экземпляров, через полгода — 10500, потом — 15000... Но читателей и слушателей (не все еще умели читать, один читал — другие слушали) у газеты было, конечно, больше. «Восточно-Сибирский комсомолец» был малюга формата — «полосатик» нынешней «Молодежки». Правда, в апреле тридцать первого года вдруг, без объяснений, перешел на большую, но в июле уже вернулся к малюгу; в ноябре опять испустил несколько больших номеров — и это был только всплеск...

Первые четыре номера газеты подписали «вряд, отв. редактор Н. Ильков» (бывший зав. сельхозотделом Крайкома), потом «отв. редактор А. Стажкин» (бывший зав. культпроп.отделом) затем «для ликвидации перегибов» был назначен Эм. Прилуцкий (бывший редактор газеты «Коллективизатор»). После него были С. Ширабин, А. Волчек, снова Н. Ильков, М. Левит, И. Душенков, П. Дедов, Б. Рабинович.

«Восточно-Сибирский комсомолец» назывался «ежедневной газетой оргбюро ЦК ВЛКСМ Восточно-Сибирского края», затем «ежедневной газетой — органом Восточно-Сибирского краевого комитета ВЛКСМ». Первые номера, однако, выходили с перерывом в четыре-семь дней; но через месяц газета, видно, набрав силы, действительно стала ежедневной. Таковы внешние, анкетные данные. Направление же было обозначено следующим образом: «Новая комсомольская газета имеет основную задачу: помочь каждой ячейке, каждому комсомольцу бороться за генеральную линию партии — за пятилетку в 4 года, за преобразование Восточно-Сибирского края в мощный индустриальный центр. Газета должна стать боевым органом руководства и связи Крайкома КСМ с низовыми ячейками и всегда быть во главе самокритики».

Газета действительно была во главе самокритики. Она публиковала не только постановления, но и целые статьи о собственных ошибках и перегибах. И других отступавшихся не щадила. «Хлебозаготовки начались — комсомол в стороне» — возглавляла «шапку» на первой полосе. «Оппортунисты Н. Удлинского и И. Удлинского района сорвали колхозно-продовольственный поход», «Шуш» на второй странице (другого номера): «Нарымский и Кануцкий комсомол в хвосте хлебозаготовительного похода». «Шапка» на четвертой: «Директор обувной фабрики Балаш не желает проводить февральский набор в фабзауч комкрест». Очень крепко доставало и мировому империализму: «Старый волк Пуанкаре у руля войны» «Империализм в судорогах смерти», «Господа капиталисты опять врут».

С решительной критикой и самокритикой соединялись еще более решительное создание. «Комсомольцы, в бой за толо!», — призывала газета в одном номере. «Борьба за животноводство — один из ответственных участков работы комсомолов», — объявляла в другом. «Либез — боевые участки» — объявляла в третьем. В четвертом «одним из решающих вопросов коренного поворота комсомола называлась «электрификация», в пятом газета выступала «против ласки, прогулов и пьянства — за ударные темпы работы».

Все было «боевым» и «решающим»; кругом был «фронт» — угольный транспортный, лесной («Бесе бревна — на береги»), оборонный («Комсомолец — на самолеты»), обувной, хлебозаготовительный... И это совсем не было газетным преувеличением, это было в жизни. Вот, например, ироничная заметка в номере от 21 ноября тридцать первого года: «Комсомольская ячейка колхоза «Победа» [Иркутский район] организовала дружную борьбу за хлеб. Дружная борьба велась в лесу, на котором жилили молотилы колхозный хлеб. Жучики были вооружены и открыли стрельбу по дружинникам, но те не растерялись и с боем отбили 5 купей колхозного хлеба».

Тек дорого стоил хлеб. Да и все другое доставалось недешево — лес, топливо, электричество. Кстати, шестфо комсомола (и газеты) над ударными «электрическими» стройками началось именно тогда, в трудные тридцатые годы. «Комсомольца» — шеф Ангарстроя», — объявил «Восточно-Сибирский комсомолец» в начале тридцать первого года и призвал «соединить знания специалистов с энергией, энтузиазмом комсомола и перевести это на конкретные дела по выполнению генеральной линии партии на участке электрификации». Тогда же газета рассказывала о рейдах отрядов легкой кавалерии, предшественников нынешнего «Комсомольского прожектора»; выездные журналистские бригады, которые сейчас нередко работают на крупнейших стройках, тоже впервые появились в те далекие годы...

Но не хлебом единым, не только стройками, углем, электрификацией жила газета. Уже в четвертом номере появились «литературные странички». Была на этой страничке и «Лит. хроника» (по созданию оргбюро РАППа в Восточно-Сибирском крае и организации литконсультации при газете «Восточно-Сибирский комсомолец»), и стихотворение М. Пилько «В колхозе», и стихотворение Василия Непомнящих «Кирпичик», и отрывок из романа А. Коптелова «Новые поля». Вскоре, в семнадцатом номере появились следующие «литературные странички» потом еще, еще... Много печатали отрывки стихов — Василия Непомнящих [мы расскажем о нем сегодня], Ивана Молчанова-Сибирского, Константина Седых, Моисея Рыбакова, Елены Жилиной... Кстати, Константин Седых впоследствии был заведующим отделом и ответственным секретарем газеты.

О всех темах и проблемах, которые поднимала газета, рассказать невозможно. Что же касается формы подачи материала, то здесь, как и в комсомольской печати вообще, — малые жанры, информативные, короткие, даже кратчайшие, как выстрел, корреспонденции, репортажи. Появлялись и фельетоны, очень жесткие, но они тоже были невелики. Больше место отводилось политическим и антирелигиозным статьям (например, таким как «Был ли Христос?»), и еще статьям о крупных индустриальных проектах будущего — доклад инженера Ю. Шпехта «Проблема Ангарстроя» был напечатан в нескольких номерах.

Конечно, выглядела газета гораздо скромнее нынешней [поначало и фотографии не было], но решительностью и даже дерзостью, пожалуй, превосходила. Рубчик тогда почти не было, в моде были «шапки» — крупные заголовки на целую страничку, полосу. Некоторые из этих дерзких решительных «шапок» мы уже приводили. Вот еще: «Беспокойство — борьба за портфель», «Очистка семян, ремонт машин — гвоздь подготовки», «Безобразия продолжают», «Пустозвонная болтовня Лиги Наций кончилась».

«Восточно-Сибирский комсомолец» волновали не только местные, но и международные дела. Восьмой номер открывался «шапкой»: «Состоялось соглашение руководящих делегаций Лиги Наций о созыве мировой конференции по разоружению в ноябре 1931 г.» Однако договориться тогда о разоружении не удалось. В Европе становилось все тревожнее и тревожнее. Грозилась война в Испании, потом последовали нападения на Чехословакию, Польшу, Францию... 30 июня 1939 года газета [уже получившая новое, нынешнее название — «Советская молодежь»] в корреспонденции «Если завтра война...» писала: «С тракторов, комбайнов, автомашин пересадят наша молодежь на могучие танки, бронемашины и будет бить наглых фашистских захватчиков».

Однако не думали, что это будет так скоро. 22 июня, как обычно в воскресенье, всей редакцией отправились за город на Кайнузю гору, на берег Иркутта. А вернувшись, узнали — война. На следующий день в воскресенье в составлении редакции: Степан Былинко, Иван Лазарев, Макс и Игорь Уралинов, Василий Дружинин, потом Семён Дубровин, Дмитрий Хороших и другие. «26 августа, — вспоминает Ирина Николаевна Мурзуева [она живет сейчас в Усть-Орде], — мы прочли со своей газетой, «Молодежка», говорили мы ей. Наш редактор Борис Рабинович подарил каждому из нас книгу Николая Островского «Как закалялась сталь»...

Третье рождение «Молодежки» произошло в августе 1950 года.

ХРОНИКА ТЕХ ДНЕЙ СОЗДАДИМ БОЕВОЙ ОРГАН ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КОМСОМОЛА

ПИСЬМО К ЮНКОРМ
Новая комсомольская газета «Восточно-Сибирский комсомолец» имеет основную задачу: помочь каждой ячейке, каждому комсомольцу бороться за генеральную линию партии — за пятилетку в 4 года, за преобразование Вост.-Сиб. края в мощный индустриальный центр. Газета должна стать боевым органом руководства и связи Крайкома КСМ с низовыми ячейками и всегда быть во главе самокритики.

Осуществление этих задач возможно при условии участия широких масс комсомольцев и беспартийной молодежи в работе газеты.

Каждый комсомолец и беспартийный должен не только распространять, читать газету, но и быть активным юнкором. Без этого немисливо существование самой газеты.

Что будет означать газета в ближайшее время?
Как проходит уборка урожая, осенняя посевка, подготовка к хлебозаготовкам, как идет борьба за промфинплан, как готовится транспорт к осенним перевозкам и т. д. и т. н., — подготовка комсомольских ячеек к крайконференции и 9 съезду КСМ.

По-ударному ли комсомольцы помогут партии разрешить кол.-прод. мероприятия? Являются ли они вожаком беспартийной молодежи, зарекают ли своим энтузиазмом взрослых? Давайте вспомним летящих обматывателей, героев фраз и бюрократов. Покажем истинных творцов социализма.

(«Восточно-Сибирский комсомолец», № 1, 3 сентября 1930 года).

НАШЕЙ ГАЗЕТЕ

Она рождается в размах больших работ, в борьбе за хлеб, на фабриках и в селах, чтоб направлять, будить

И звать вперед, сплоченные отряды Комсомола. Она рождается затем, чтоб быть в боях с былым оружием надежным, и ружьем, и знаменем борьбы Рабочей и крестьянской молодежи...

БОЕВАЯ СВОДКА УСОЛЬЧАН

По инициативе комсомольских ячеек организовано 15 красных обозов с количеством пшеницы 595 и солома этими обозами 20750 пудов. Кроме того, организовано 11 красных обозов имени 17 райконференции комсомола.

ТОВАРИЩЕСКАЯ ПОМОЩЬ

УСОЛЬЕ, 3 сентября (юнкор). Рабочие Тельминской суконной фабрики и клеязавода помогают колхозу «По звонку Ленина». 106 рабочих, проработав день, убрали 23 гектара хлеба. Колхозники благодарят рабочих суконной фабрики и клеязавода за товарищескую большевистскую практическую помощь.

КУЛАК НАГЛЕЕТ

В селе Хор-Тагна Заларинского района жевать распроданный кулак, торговец Константинов, дом которого куплен сельсоветом за торгов под вторую школу на селе. Предсельсовет т. Бутини и строитель т. Багаев хотели обморочить и снять план дома, но кулак и обмеру не допустил.

РАВНЯЙТЕСЬ ПО ПЕРЕДОВЫМ

Слюдянская районная комсомольская организация в своих рядах насчитывает более 500 членов комсомола. В соцсоревновании и ударничестве комсомольцев участвует 70 проц. Транспортный и горняцкий коллективы комсомола соцсоревнованием и ударничестве охвачены на 100 проц. Горняцкий коллектив комсомола проделал очень большую работу по ликвидации прорыва на обрешонной фабрике.

НАС 40 ТЫСЯЧ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Среди нас есть полеводы, машинисты, агрономы, летчики, врачи, поэты, артисты, художники. Мы ровесники Октября. Многие из нас не видели живого городского. Пошлите нашей стране кажется нам страшной сказкой.

ОВЛАДЕТЬ ВИНТОВОЙ, ПУЛЕМЕТОМ, ГРАНАТОМЕТАНИЕМ

Физкультурники Иркутска горько откликнулись на призыв Героя Советского Союза о подготовке оборонных подарков матери-Родине. На городском собрании активисты-физкультурники спортивного общества «Динамо»

«ШЕСТЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ В ЧАС»

«Машинист депо Черемхово, комсомолец т. Нефедьев 6 февраля установил небывалый рекорд скоростного пробега. В этот день нагруженный состав весом в 1151 тону отправился в Иркутск. Расстояние от Черемхова до Иркутска покрыто за 2 часа 16 минут. Поезд т. Нефедьева пришел на 8 минут раньше курьерского.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

«КОМСОМОЛЕЦ—ПОЭТ НЕПОМНЯЩИХ»

Шли за счастьем без хлеба и сна,

По сугробам в сумятице

Что кипела садами страна,

Грелась песней теплою

И дружной.

Вас. НЕПОМНЯЩИХ,

«Раффаковке».

[«Восточно-Сибирский комсомолец», № 52,

8 марта 1931 года].

П. Петров... Кроме работы по описанию хода и проведения второй большевистской весны, писатели будут проводить призыв в литературу рабочих заводов, совхозов, колхозников и т. д.

Одновременно на страницах «Восточно-Сибирского комсомольца» почти подряд идут стихи Василия Непомнящих «В бой за уголь», «Кирпичник», «Славяшник», «Кулак», «Рыжухино счастье», «Раффаковке», «Веселая доля». Последние напечатаны под шапкой: «Комсомольца» — шеф Ангарстроя. Великому проекту Ангарстроя Василий посвятил несколько стихотворений. В одном из них пишет:

И движется в дикое дребн

Кондоуев, веселый ребат,

Чтоб реки смарять,

выкорчевывая пин,

Передельвать мир и себя!

«Комсомолец» предвидел не только это, наши будущие ударные стройки. Еще не хватало хлеба,

и он предвидел космические маршруты, по которым «как молнии, ракеты мчатся, и до звезды — рукой подать». То знаменательное стихотворение («Здсь и костер горит бесшумно») заканчивалось словами:

«...Влюбленный в землю эту,

В ее дожди, цветы, сады,

Я верю: в далеких межпланетных звездах.

«Он был очень воодушевленный человек, — сказала Елена Викторовна. — И добрый. И жизнелюбивый».

И простой этот стих привел

И тебе, и таким же многим...

Мы нашли в обновленной стране

В дом счастливых, грядущих лет

Неисхоженные дороги...

Н. КРАСНОПОЛЬСКИЙ.

НА СНИМКЕ: Василий Непомнящих, 1931 год.

ком, на отделении русского языка и литературы...

Но «чистым филологом» бывший батрак, слесарь, сапожник не хотел быть. «Я лично свое послышу в чердак...» — писал Василий Непомнящих в стихотворении «Кирпичник», опубликованном в «Восточно-Сибирском комсомольце». С этого стихотворения, с сентября 1930 года и начинается его дружба с только возрожденной молодежной газетой. Кратким был срок этой дружбы, но за этот краткий срок он опубликовал восемь стихотворений (может, больше — не все номера сохранились), стихотворные «Лозунги о кирпичах», очерк, репортаж, статью «Владимир Маяковский»... Работа Василия Непомнящих была столь стремительной, что порой опережала первые о ней известия. 21 октября тридцатого года в «Восточно-Сибирском комсомольце» была напечатана информация «Писательская ударная». Вернулся из Черемхова первая бригада писателей Восточно-Сибирского края, — сообщалось в ней. — Писатели выехали в Черембасс по командировке Оргбюро ВЦСПС для проведения массовой художественной и разъяснительной работы в связи с обращением ЦК РКП(б) к ликвидации «В бой за уголь». Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказках крестьянские дети становились принцами и даже царями, но не писателями. Этот путь открыла революция.

«Он был простой крестьянский парень», — сказала Елена Викторовна. — Из Кутуна. Мы вместе учились в университете».

«Мне досталось по наследству горькая батрацкая судьба, — писал Василий Непомнящих. А в начале тридцать первого года бывший батрак, сапожник, слесарь был «ответственным секретарем Оргбюро Российской Ассоциации пролетарских писателей».

«Ответственному секретарю» только исполнилось двадцать четыре года. Свою новую жизнь он называл «новой сказкой». В старых сказ